

Увидев фигуру Хуа Байхэ, она поспешно направилась к ней и, облегченно выдохнув, произнесла:

— Госпожа Цинцзя, если сегодня у вас найдется свободная минута, пожалуйста, загляните во дворец Чусю, навестите нашу хозяйку.

Из-за недавнего инцидента с переписыванием наказаний Хуа Байхэ старалась обходить дворец Чусю стороной. Увидев реакцию Чуньтао, она невольно замерла:

— Что случилось?

— Родная сестра нашей госпожи, барышня Шэнь Сянлань, некоторое время назад отправилась с матерью в горы поклониться Будде. К несчастью, ее похитили разбойники, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Госпожа от переживаний уже несколько дней не ест и не пьет, я просто не знаю, что делать. — В глазах Чуньтао читалась искренняя тревога.

Хуа Байхэ одолевала сомнения:

Едва она подумала о Благородной супруге Цзя, будущей сопернице Цзян Яо, как та попала в беду... Не слишком ли это подозрительно?

Она парой фраз успокоила Чуньтао:

— Если сегодня освобожусь, я доложу Императрице и приду во дворец Чусю навестить госпожу Цзин-пинь.

С лица Чуньтао наконец сошло выражение скорби. Она знала, что Цинцзя обязательно что-нибудь придумает! Ее госпожа будет очень рада встрече!

Чуньтао радостно удалилась, не заметив, как Хуа Байхэ провожала ее взглядом, полным сожаления.

— Если Шэнь Цинъюй способна поднять руку на родную сестру, могу сказать лишь одно, — негромко произнесла Система.

Хуа Байхэ согласно кивнула:

— Она настоящий волк в овечьей шкуре.

...

Вскоре Цзян Дэшэн, получив распоряжение, проворно прибыл во дворец Чанлэ.

Хуа Байхэ, прислуживая рядом, заметила, что Цзян Яо открыто вела с ним какие-то загадочные беседы, а в словах самого Цзян Дэшэна сквозила явная лесть перед Императрицей:

— Как продвигаются дела?

— Не беспокойтесь, госпожа. Разве посмел бы этот ничтожный пренебречь вашим приказом? Ожидайте вестей.

...Эта сцена выглядела так, будто Цзян Яо уже давно прибрала Цзян Дэшэна к рукам.

Хуа Байхэ, слушая их разговор, пребывала в полном недоумении. Не успела она обдумать услышанное, как Цзян Яо уже перешла к серьезным вопросам: она распорядилась закупить зимние шкуры для нужд Ведомства внутренних дел, строго наказав обеспечить всем необходимым солдат на передовой, а расходы гарема урезать, начав с дворца Чанлэ.

Цзян Дэшэн принял указ и, отвесив глубокий поклон, направился к выходу.

Хуа Байхэ вызвалась проводить его. Выйдя за ворота главного дворца, она как бы невзначай спросила:

— Господин Цзян, если возникнут какие-то затруднения с тем делом, что поручила вам госпожа, вы можете не стесняться и сказать мне.

Цзян Дэшэн, сумевший в столь юном возрасте занять пост управляющего Ведомством внутренних дел, был человеком не из простых. Он сложил руки в приветственном жесте и с улыбкой ответил:

— Разве стоит утруждать госпожу Цинцзя такими мелочами? Вы лучше присматривайте за Императрицей, а добрые вести, как говорится, сами на крыльях прилетят к вам.

Хуа Байхэ с натянутой улыбкой наблюдала за тем, как он изобразил руками полет птицы. Когда он скрылся из виду, улыбка на ее лице постепенно застыла.

— Системка, у меня есть смелая догадка, — позвала она в мыслях.

Система, похоже, думала о том же, и они выпалили почти одновременно.

Система: — А Императрица не переродилась ли?!

Хуа Байхэ: — А Цзян Яо не другая ли участница задания?!

В этот момент позади Хуа Байхэ раздался мягкий, до дрожи в костях, голос:

— Цинцзя, раз уж ты так любопытствуешь о моих делах, почему бы не спросить прямо у меня?

Хуа Байхэ замерла, но тут же покорно обернулась. Ее тон вновь стал привычно смиренным, а взгляд — опущенным:

— Покорная слуга проявила дерзость. Просто господин Цзян — человек из Ведомства внутренних дел, он слишком молод для такой должности, а значит, обладает острым умом. Я

лишь опасалась, как бы госпожа не столкнулась с риском предательства.

Цзян Яо вскинула брови, словно тонкие ивовые ветви:

— О? — промолвила она. — А ты, оказывается, верна мне всей душой.

Хуа Байхэ, ошеломленная собственными догадками, пребывала в смятении и, не заметив тона Цзян Яо, промолчала.

Взгляд Цзян Яо упал на макушку склонившейся служанки. Спустя мгновение она вдруг спросила:

— Если ты когда-то доверила всю свою жизнь человеку, а потом, прозрев, поняла, что каждый шаг был ошибкой и пути назад уже нет, как бы ты поступила?

Услышав это, Хуа Байхэ невольно подняла голову и встретила с темными, бездонными глазами Цзян Яо.

На мгновение она забыла о своем положении служанки, продолжая дерзко смотреть в глаза своей госпоже, пока Система не окликнула ее. Только тогда она осознала, что все еще находится в роли, и поспешно опустила взгляд.

— Госпожа, я не знаю, — ответила она. — Мое сердце никому не принадлежит.

В глазах Цзян Яо мелькнула тень, словно она скрывала за этим вопросом некие чувства.

Пока Хуа Байхэ в напряжении ждала ответа, та лишь махнула рукой:

— Я устала. Отдохну немного, в это время никого не принимать.

Хуа Байхэ поклонилась, но не спешила уходить. Поколебавшись, она добавила:

— Госпожа, говорят, у семьи госпожи Цзин-пинь случилась беда. Она места себе не находит от тревоги за родных.

Цзян Яо, уже собиравшаяся уходить, притормозила и бросила взгляд через плечо:

— Объяви госпоже Шэнь, чтобы завтра после полудня прибыла во дворец. Император только что покинул столицу, чтобы не создавать лишних пересудов, я не могу позволить ей покинуть дворец ради визита к родне.

— Слушаюсь, — тихо ответила Хуа Байхэ.

Цзян Яо помедлила, словно желая что-то добавить, но промолчала и скрылась в покоях, не позволив ни ей, ни Хуаньси прислуживать.

...

По пути во дворец Чусю Хуа Байхэ болтала с Системой:

— Системка, что ты хотела сказать раньше?

Тогда их разговор прервала Цзян Яо.

— Она не может быть другой участницей, потому что является «дитя судьбы» этого мира. Ее жизнь неразрывно связана с его течением, она не может иметь связи с другими мирами.

— Например, когда я выбрала тебя, ты была при смерти в своем мире, но я извлекла лишь твою душу. Твое тело осталось принадлежать тому миру, поэтому по законам мироздания ты не можешь и не должна иметь контактов с другими реальностями.

На этом моменте Система замялась:

— Ты уверена, что в качестве награды за задание хочешь миллиард, а не исцеление?

Этот вопрос мучил Систему с самого начала. Согласно ее базе данных, даже самый алчный человек, оказавшись перед лицом смерти, выберет жизнь. Но Хуа Байхэ оказалась настоящим Плюшкиным, готовым умереть ради денег.

Услышав про «миллиард», Хуа Байхэ на мгновение отрешенно уставилась в пустоту, а придя в себя, вслух проговорила ответ Системе:

— Да, я выбираю миллиард.

Не дожидаясь сарказма Системы, она фыркнула и вернулась к прежним размышлениям:

— Значит, Цзян Яо просто переродилась?

Система ответила утвердительно, и Хуа Байхэ продолжила:

— Если вспомнить ее слова о любви... Неужели она жалеет, что когда-то любила Императора?

Неудивительно, что с самого начала ей казалось, что Императрица ведет себя странно!

Оказывается, она хочет, чтобы та наставила Императору рога!

Погодите, но как тогда выполнять задание?

К тому же Император сейчас на войне! Они в разлуке!

Хуа Байхэ только сейчас осознала всю серьезность ситуации. Хотя индикатор прогресса над головой Цзян Яо достиг 60 процентов, дальше явно будет сложнее.

Она жалобно взывала:

— Системка, это ведь только мой первый мир...

Система, не зная, что ответить, почувствовала вину:

— Прости.

Хуа Байхэ начала хныкать:

— Как ты собираешься меня утешить?

Система запнулась:

— В следующем мире сделаю тебя красивее.

Хуа Байхэ замолчала на пару секунд, продолжая мысленно причитать, пока Система не начала выдавать помехи от раздражения:

— Хватит ныть! Я все равно не позволю тебе крутить роман с «дитя судьбы»!

Хуа Байхэ притихла:

— Ох... ты не так поняла. Я вовсе не хочу крутить роман с Императрицей.

Система: — ?

Хуа Байхэ: — Просто... когда придет время уходить, можно я тайком прихвачу те сундуки с сокровищами Императрицы? Мне много не надо, хотя бы десяток вещей!

Система: — ...Пошла вон.

...

Получив отпор от Системы, Хуа Байхэ добралась до дворца Чусю совсем приунывшей и чуть не врезалась в Шэнь Цинъюй, которая как раз выходила наружу.

Прежде чем та успела опуститься на колени, Шэнь Цинъюй подхватила ее под руки. На ее лице промелькнула радость, сменив ту мрачную тучу, которую все наблюдали последние дни.

— Цинцзя, ты как здесь оказалась? — в порыве радости она назвала ее по имени и, не отпуская рук, потянула внутрь. — Как раз кстати! Моя матушка на днях прислала из дома специ и пудру, привезенные из Западного края. Зайди, выбери себе что-нибудь.

Хуа Байхэ попыталась высвободиться, но не смогла, поэтому лишь улыбнулась:

— Чуньтао сказала, что госпожа Цзин-пинь не в духе. Императрица уже издала указ, чтобы госпожа Шэнь прибыла во дворец после обеда. Я проходила мимо и решила заглянуть, чтобы передать весть.

— А что до драгоценных специй, лучше оставьте их себе. У меня кожа грубая, мне такие изыски ни к чему.

Глаза Шэнь Цинъюй засияли:

— Сейчас, когда Император ушел на войну, все заняты делами, и я не смела беспокоить Императрицу своими семейными заботами, мучилась в одиночестве... Оказалось, что все это благодаря тебе!

— Не скромничай. Ты в самом расцвете лет, какая еще грубая кожа? Заходи же!

Хуа Байхэ не смела присваивать заслуги себе и хотела отказаться, но Шэнь Цинъюй уже затащила ее во дворец и с энтузиазмом усадила перед туалетным столиком, собираясь продемонстрировать искусство превращения «гадкого утенка в лебедя».

...

Спустя час.

Рассчитав время обеденного сна Цзян Яо, Хуа Байхэ с трудом вырвалась из гостеприимного дворца Чусю и вернулась во дворец Чанлэ. У колодца в заднем дворе западного флигеля она набрала воды, чтобы смыть макияж.

Она знала, что может выглядеть ярче, но до сих пор избегала этого. Хотя Цзян Яо не требовала от служанок ходить без косметики и даже сама одаривала их украшениями, Хуа Байхэ строго придерживалась правил, оставаясь «естественной».

Она присела на скамеечку у бассейна, рассматривая свои аккуратно подведенные брови и кожу, нежную и безупречную после пудры, и приподняла бровь, обращаясь к Системе:

— Если это стандарт, то в следующем мире я должна быть в десять раз красивее!

Система промолчала.

Хуа Байхэ, уже предвкушая будущее, с наслаждением зачерпнула воды, думая о том, как бы сблизить Императора и Императрицу, и плеснула водой на лицо.

— Пусть Императрица и кажется перерожденной, это неважно. Они — официальная пара. Стоит мне убрать всех соперниц, и рано или поздно влюбленные воссоединятся!

...

Спустя полчаски чая —

— Что за черт?

Хуа Байхэ в оцепенении смотрела на свое отражение в воде. Даже легкий румянец на щеках ничуть не поблек.

— В этом мире что, существует водостойкая косметика?! Это уже перебор!

В этот момент послышался голос Хуаньси, прислуживавшей Цзян Яо:

— Госпожа, в саду западного флигеля расцвели хризантемы, подаренные Императором. Они так хороши, мы уже готовимся к Банкету Осенней Хризантемы.

Банкет Осенней Хризантемы был старой традицией династии Да-Юн, установленной еще основателем династии в честь праздника урожая.

Следом раздался мягкий голос Цзян Яо:

— Раз Император на войне, пусть банкет будет скромным. Передай мой указ.

Звуки затихли у входа во двор.

Хуа Байхэ пришлось поспешно обернуться и низко поклониться:

— Госпожа.

Цзян Яо, опираясь на руку Хуаньси, медленно вошла во двор. Заметив, что Хуа Байхэ снова провела столько времени во дворце Чусю, она даже не взглянула на нее и холодно произнесла:

— Не нужно церемоний.

Проходя мимо, она собиралась полюбоваться хризантемами, но внезапно уловила тонкий аромат.

Это были благовония, которые так любила госпожа Цзин-пинь. Из-за торговых связей семьи Шэнь с Западным краем их аромат был поистине уникальным.

Цзян Яо остановилась и обернулась. Хуа Байхэ все еще стояла, опустив голову.

Но с этого ракурса было видно, что ее губы, обычно бледные, теперь сияли естественным блеском, словно окрашенные утренней зарей.

Цзян Яо подошла к ней вплотную, приподняла ее подбородок и внимательно рассмотрела макияж.

Девушка, которая раньше казалась невзрачной, с таким искусным макияжем стала выглядеть еще чище и притягательнее.

Хуа Байхэ, вспомнив, как у нее затекла рука от стараний, уже хотела оправдаться, но вдруг услышала, как Цзян Яо усмехнулась.

— Очень красиво, — сказала она.

Хуа Байхэ охватило странное предчувствие.

Цзян Яо не убрала руку. Хуаньси видела лишь, как ее госпожа мягко улыбается, словно любясь макияжем Цинцзя.

Спустя долгое время Цзян Яо опустила взгляд и неспешно произнесла:

— Мне придется забрать свои слова обратно.

Слово «искусительница» подходит ей как нельзя лучше.

Только...

Почему же она столько времени не пыталась приукрасить себя, а стоило ей отправиться во дворец Чусю — и вот, расцвела?

Во дворе, залитом контровым светом, Цзян Яо в своем золотистом повседневном наряде сияла, а ее улыбка и прикрытые ресницы скрывали истинные мысли от окружающих. Лишь Хуа Байхэ видела глубокие чувства в ее глазах, когда она с улыбкой добавила:

— Ты очень хороша.

...

В тот вечер, когда ее называли «очень хорошей», Хуа Байхэ так дрожала от страха, что ей хотелось поменяться сменами с Хуаньси.

Однако, к ее удивлению, Цзян Яо словно забыла об этом. Она не стала, как обычно, насмехаться или заставлять переписывать странные фразы.

Причина была проста: Цзян Яо была слишком занята.

На следующий день после отъезда Императора Лю Е все государственные дела перешли к Кабинету министров. Срочные донесения отправлялись на фронт, а остальные вопросы, требующие утверждения, решались совместно Императрицей-матерью и Императрицей, так как наследника не было.

Днем Цзян Яо приходилось противостоять различным фракциям при дворе и упрямству Императрицы-матери, а вечерами — слушать отчеты о подготовке к Банкету Осенней Хризантемы.

Свечи во дворце Чанлэ часто горели до самого рассвета.

Слуги бегали как заведенные, но даже это не мешало им сплетничать.

Евнух Цзя: — Слышали? Цинцзя чем-то прогневала госпожу, та даже на порог ее не пускает.

Служанка И: — Цинцзя всегда была такой послушной, не понимаю, что она могла натворить.

Евнух Бин: — Говорят, она тайком снюхалась с дворцом Чусю и работает на две стороны.

Служанка И, которой Цинцзя не раз помогала, вступилась: — Не болтайте ерунды! Цинцзя предана Императрице, поговаривают, она спасла ей жизнь, когда они еще были в княжеской резиденции.

Двое евнухов возразили: — Откуда тебе знать? Может, та из дворца Чусю пообещала ей золотые горы?

Служанка И хотела ответить, но вдруг раздался голос:

— Вам что, заняться больше нечем?

Они обернулись и увидели Хуаньси с подносом в руках:

— Как госпожа относится к Цинцзя — не ваше дело. Языки чешутся? Хотите, чтобы я их вам вырвала?

Слуги в испуге повалились на колени:

— Госпожа Хуаньси, помилуйте! Больше не будем!

— Живо за работу! Еще раз увижу, как вы ленитесь — шкуру спущу. — Хуаньси, у которой было полно дел, ушла в соседний двор.

...

Хуа Байхэ внутри помогала сверять списки вельмож, приглашенных на банкет.

Хуаньси вошла в комнату с измученным видом:

— Чем ты так разозлила госпожу? Иди извинись! Я только сейчас поняла, сколько дел ты обычно берешь на себя. Вчера я ходила на склад, ничего не понимала, весь день голодала, так и не закончила. — Она взмолилась: — Милая Цинцзя, сжался над подругой!

Хуа Байхэ сама не знала, за что Цзян Яо на нее сердится, но это было даже к лучшему — не нужно ломать голову над планами перерожденной Императрицы. Она улыбнулась и легонько хлопнула Хуаньси списком по голове:

— Госпожа хочет тебя закалить, ты должна радоваться! Где это видано, чтобы личная служанка была такой нерадивой? Забирай, список проверен, ошибок нет.

— А что до госпожи... Ты же видишь, даже если я дежурю ночью, утром она все равно зовет тебя прислуживать. Зачем мне лезть на глаза? Если нужно что-то помочь — просто попроси.

Хуаньси взяла список, отложила его в сторону и вытащила из-под подноса письмо, запечатанное сургучом, загадочно подмигнув:

— Та-дам! Я выторговала тебе шанс покаяться перед госпожой.

Хуа Байхэ скептически приподняла бровь, не веря, что та может придумать что-то путное.

Хуаньси радостно прошептала:

— Армия выступает уже второй месяц. Маленький ван Цзян был лично назначен Императором, это его первое письмо домой. Учитывая чувства госпожи к нему, если ты лично вручишь это...

— Стоп. — Услышав имя «Маленький ван Цзян», Хуа Байхэ почувствовала недоброе.

В прошлый раз из-за этого человека ей пришлось всю ночь читать теорию, пока тот развлекался с красавицами.

Хуа Байхэ отрезала:

— Эту добрую весть лучше отнеси ты. Если госпожа увидит, что это я, боюсь, ее хорошее настроение мигом улетучится.

Радость на лице Хуаньси тут же погасла.

<http://bllate.org/book/22171/2309620>